

— Докладываю: передача в первый мир началась. Тип: древность, альтернативная история. Ваше Величество, счастливого пути!

— Наследный принц всё ещё не выходил? Уже почти сутки прошли.

— Кто знает. Император в этот раз в ярости, даже не поинтересовался, как там Его Высочество.

— Думаешь, его могут...

— Эй, ты что мелешь?! Жить надоело?

Восточный дворец.

Цинь Жань отложил в сторону бамбуковую дощечку и медленно прикрыл глаза, делая вид, что погружён в глубокие раздумья. На самом деле он молча умирал своё раздражение из-за того, что его спокойную жизнь на пенсии так бесцеремонно прервали.

Раз уж Бай Цзэ придал этому заданию такое значение, что отправил его сюда, даже не спросив мнения, значит, здесь кроется нечто, о чём он пока не догадывается.

Проклятье.

— 321, передавай сюжет. Благодарю.

Ладно, сперва надо во всём разобраться. У него с Бай Цзэ прекрасные отношения, в конце концов, тот не стал бы ему вредить. Пора расслабиться и плыть по течению.

— Слушаюсь, господин.

321 выглядел как маленький мальчик, и голос у него был такой же живой и звонкий. Будучи новоиспечённой системой, он был полон рвения и энергии.

Сюжет мира представлял собой типичную историю любви «попаданки» и принца.

Су Жуаньжуань, обычная офисная сотрудница, в один прекрасный день переместилась в тело внебрачной дочери премьер-министра из романа, который она когда-то читала. Мало того что она стала незаконнорожденной, так ещё и умудрилась опоить восемнадцатого принца, став его наложницей.

Подождите, я что, наложница?!

Су Жуаньжуань не собиралась мириться с таким положением дел. Ничего, у меня есть система, я человек новой эпохи! Восемнадцатый принц, значит? Решил сделать меня наложницей? Ну, мы ещё посмотрим, кто кого!

Производство бумаги, создание пороха... Жизнь Су Жуаньжуань была ключом, и всё бы ничего, если бы не этот лицемерный главный герой — наследный принц, который вечно путался у неё под ногами.

Эй-эй-эй, принц, я тебя не люблю! У неё уже есть восемнадцатый принц Цинь Хай, который души в ней не чаял.

— Жуаньжуань, что бы ты ни попросила, я всё дам, только не уходи от меня...

Всегда дерзкий и своенравный юноша сжимал её в объятиях, его глаза покраснели, а голос дрожал от слёз.

Сердце разрывалось от жалости. Ну и ладно, отдам ему трон.

Цинь Жань: ...

Изначально этот мир задумывался как история о великом мужчине, выстроенная автором в декорациях альтернативной истории. Но когда в романе появился наследный принц, история внезапно обрела невероятную популярность. Однако полюбили читатели не Су Жуаньжуань, а Цинь Жаня.

Никто не может устоять перед благородным и мягким, словно нефрит, молодым господином! Никто!

Цинь Жань — тот самый лицемерный наследный принц. Цинь Жань: улыбающийся смайлик.

На самом деле оригинальный Цинь Жань был человеколюбивым, но не слабым: он выступал за гуманное правление, любил народ как собственных детей и обладал глубоким политическим видением. Он был талантлив и в гражданских, и в военных делах, чем заслужил любовь императора, чиновников и простого люда.

Если бы не Су Жуаньжуань, он бы спокойно вошёл на престол, укрепил культуру, развил армию и в конечном итоге стал бы величайшим императором в истории.

А Су Жуаньжуань называла его лицемером лишь потому, что он, за исключением заклятых врагов, всегда оставлял людям шанс и не наносил смертельных ударов. К тому же он постоянно распространял вести о своих добрых делах, чтобы завоевать доверие народа и заставить людей служить себе верой и правдой.

Цинь Жань: А, это я, что ли?

Потирая переносицу, Цинь Жань чувствовал, что всё это какой-то абсурд. Не говоря уже о том, что оригинальный владелец тела не занимался саморекламой, даже если бы это было так — в чём его вина? Делать добро и оставаться в тени? Чтобы потом этим воспользовались политические враги?

Ещё более нелепым было то, что, увидев бумагу, оригинальный принц всеми силами пытался привлечь Су Жуаньжуань на государственную службу, а получив отказ, просто отошёл в сторону. Но Цинь Хай приревновал, и Су Жуаньжуань решила убить принца, чтобы потешить самолюбие возлюбленного.

Во время инспекции войск она отравила Цинь Жаня. Она даже не утруждала себя маскировкой, полагая, что императору уже нет дела до сына. Когда император начал тщательное расследование и обнаружил след главных героев, он пришёл в ярость и приказал казнить обоих. Но благодаря могуществу «ауры главных героев» те нанесли удар первыми.

Осознав, что отравлен и спасения нет, оригинальный принц использовал всю свою власть, чтобы нанести самоубийственный удар по хунну и мятежным силам Великой Цинь. Он сражался до тех пор, пока предатели не были уничтожены, и сам стал приманкой, погибнув в море огня.

Читатели были в ярости. Половина из них читали роман только ради Цинь Жаня. Мой светлый идеал! Умирая, он всё ещё думал об отце и Великой Цинь, а его взяли и просто убили!

— 321, кто выбрал этих двоих — Су Жуаньжуань и Цинь Хая? Одна топчет человеческие жизни, как грязь, другой убивает братьев и отца, бессердечные твари. Идеальная пара! — в конце концов, один — тиран, а другая — злая императрица.

— Господин, их выбрала не воля мира. Она считает, что дитя удачи — Цинь Жань, но в систему проник бродячий вирус. Миров слишком много, за всеми не уследить. К тому времени, как она обнаружила проблему, Су Жуаньжуань уже получила веру народа и защиту Дыхания Дракона — убить её стало невозможно.

С тех пор как бесследно исчез Верховный бог, управлявший тремя тысячами миров, отбор и набор новых систем не проводился уже десять эпох. 321 выразил сочувствие: рук не хватает.

Прекрасно!

Сейчас сюжет дошёл до момента, где Су Жуаньжуань кричит: Все люди равны, ты не благороднее меня, а Цинь Хай отвечает: Женщина, ты успешно привлекла моё внимание.

А оригинальный принц в это время поссорился с Императором Чэнем на банкете. Он настаивал

на системе наделов, а Император Чэнь хотел внедрить систему округов и уездов. Поругавшись, он вернулся во дворец и заперся в Восточном дворце за историческими книгами.

Цинь Жань немного подумал, подошёл к потайному отделению, достал сделанный оригиналом рисунок с сегодняшнего банкета и положил его на стол. В конце концов, гордыня — не лучшая привычка.

— Кто там? Я хочу искупаться.

Надо привести себя в порядок перед встречей с отцом.

— Господин, вы... — 321 думал, что принцу будет неловко, ведь Император Чэнь — лишь один из бесчисленных людей в низших мирах.

— У меня есть память и чувства наследного принца Цинь Жаня, значит, в этом мире я и есть он.

Цинь Жань понимал, что хочет сказать 321, — многие новички часто путаются. Но если бы он не прошёл через многое, он бы не был так спокоен. Большинство новичков в первых мирах не могут понять, где они сами, а где объект задания.

— 321 понял.

Этот господин в точности такой, как о нём говорили: решительный в бою и мягкий в общении. 321 подумал, что сейчас он совсем не похож на того, кто сражался с врагами. Тогда он внул страх, а сейчас — спокойствие.

Дворец Циляня.

— Наследный принц всё ещё не вышел? — Император Чэнь начинал терять терпение при мысли о старшем сыне. Ишь, обиделся он! Подумаешь, посмотрел на него косо и не дал слова сказать! Да он всё равно не послушал!

— Докладываю Вашему Величеству, наследный принц только что приказал готовить купальню, скоро должен быть во Дворце Циляня.

Чжун наблюдал, как император отложил доклады, а затем снова взял их в руки. О мой государь, если бы вы хоть немного проявляли свою любовь к принцу, не было бы никаких слухов.

Через четверть часа:

— Ваше Величество, наследный принц просит аудиенции.

— Пусть войдёт.

— Отец...

Видя, что Император Чэнь сидит за столом с каменным лицом, Цинь Жань ничуть не смутился. Он подошёл к нему и принялся теревить его рукав. Император Чэнь души не чаял в старшем сыне, сам вырастил его, заменив и мать, и отца. В детстве Цинь Жань часто так ластился, но после семи-восьми лет это случалось всё реже.

Чжун, обладая завидной проницательностью, тут же испарился — негоже посторонним видеть такие сцены.

— Отец, вы всё ещё сердитесь на меня?

Конечно, он сердился — родной сын не поддержал его, да ещё и возразил при чиновниках!

Император Чэнь молчал, продолжая делать вид, что изучает бумаги.

Цинь Жань опустился на колени и достал рисунок:

— Отец, я пришёл просить прощения. Не сердитесь больше, хорошо?

Голос звучал нежно и жалобно. В сочетании с его утончённым лицом это мгновенно растопило сердце императора. Он ведь ещё ребёнок, чего я прицепился?!

Думая так, он, однако, не спешил показывать это на лице. Император Чэнь прижал доклады к столу, не произнося ни слова и не глядя на сына. Он взял свиток, думая, что там его портрет, но увидел сцену с сегодняшнего банкета.

Император Чэнь в чёрных парадных одеждах, строгий и величественный, а вокруг — чиновники, каждый из которых высказывает своё мнение. Весь рисунок был полон жизни и энергии. Было видно, что он нарисовал это не сейчас, и отцовское сердце смягчилось.

Сын любит меня!

— Вставай, хватит притворяться.

Напроказничавший кот всегда ведёт себя так мило, что злиться невозможно. Даже если ты знаешь, что он играет, ты всё равно не сможешь его наказать.

— Спасибо, отец! Я знал, что вы любите меня больше всех.

Поняв, что отец больше не сердится, Цинь Жань пересел поближе и, едва отпустив рукав, тут же снова ухватился за него. Наслаждаясь близостью сына, Император Чэнь отложил все дела.

— Отец, я хочу понять ваши мысли насчёт системы округов. Вы сейчас толкаете Великую Цинь вперёд! Разве нельзя использовать систему наделов как буфер?

Цинь Жань и Император Чэнь были очень похожи характерами — оба упрямые. Сын не понимал, куда так спешит отец, постоянно развязывая войны; отец не понимал, почему выращенный им сын постоянно ему противоречит, и начал сомневаться, сможет ли наследник воплотить в жизнь его стратегию.

Цинь Жань хотел прояснить всё начистоту.

Тот ребёнок, что был рядом с ним раньше, вырос. Император Чэнь смотрел на светлого, как горный ветер, юношу, вспоминая того сладкого малыша, который тёрся о его щеку и постоянно просился на ручки.

— Да, я толкаю Великую Цинь вперёд.

Император Чэнь смотрел в глаза Цинь Жаня, в которых пленилась непроглядная тьма.

— Жань-эр, Великая Цинь лежит в руинах, я хочу построить совершенно новое государство. Это означает решающую битву со всей знатью, чиновниками и даже народом.

Он ущипнул сына за щёку:

— Я не могу оставить это тебе.

Цинь Жань замолчал. Родительская любовь...

Император Чэнь разложил свои мысли по полочкам, не скрывая от сына ничего. Половину времени они обсуждали, половину — спорили. Цинь Жань вовсе не хотел полной системы наделов, он лишь хотел использовать вассальных князей как переходный период — по сути, предлагая совместить обе системы.

Император Чэнь прекрасно знал о недостатках системы округов, но ему было всё равно. Он мог удержать власть, и наследник тоже сможет.

— Кстати, Жань-эр, завтра в Восточный дворец для отчёта прибудет молодой генерал Гу.

Позаботься о нём.

Закончив разговор, Император Чэнь, который уже собирался оставить сына помогать ему с докладами, внезапно вспомнил про Гу Чэна. Всё из-за этого вредного мальчишки — с утра рассердил, вот и вылетело из головы.

— Слушаюсь, отец.

Благородный муж, прекрасный, словно нефрит, улыбался.

Гу Чэн — генерал, принадлежащий к сословию Гэ-эр.

Взаимопонимание с отцом дало ему понять: тот прибыл не только для отчёта, но и для смотрин.

<http://bllate.org/book/21555/2217650>